РАЗДЕЛ XXVII. ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Жукова М.М.

Возможные пересечения фреймов «красота/некрасота» в русской лингвокультуре

ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

(Россия, Волгоград)

doi: 10.18411/lj-01-2021-220

idsp: ljjournal-01-2021-220

Научный руководитель

Милованова М.В.

Аннотация

Рассматриваются языковые единицы, выражающие феномен красоты и некрасоты по отношению к внешности человека с позиции фреймового подхода. Устанавливаются способы репрезентации взаимодействия фреймов «красота» и «некрасота». На примере анализа описания пограничной зоны исследуемых фреймов характеризуются языковые средства, объективирующие эстетическое восприятие человека.

Ключевые слова: красота, некрасота, фрейм, лингвокультура**Abstract**

The article considers language units that express the phenomenon of beauty and unattractiveness in relation to a person's appearance from the point of view of the frame approach. Methods for representing the interaction of the "beauty" and "non-beauty" frames are established. On the example of the analysis of the description of the border zone of the studied frames, the linguistic means that objectify the aesthetic perception of a person are characterized.

Keywords: beauty, non-beauty, frame, linguoculture

Наш исследовательский интерес сосредоточен на объективации феномена "красота/некрасота" на основе текстов русской литературы конца XIX – начала XX веков с позиций фреймового подхода, позволяющего более четко и последовательно представить наполняемость этого сложного явления.

Фрейм (англ. frame — «каркас» или «рамка») обычно понимается как способ представления знаний в искусственном интеллекте, представляющий собой схему действий в реальной ситуации. Первоначально термин «фрейм» был введен Марвин Минский в 70-е годы XX века для обозначения структуры знаний для восприятия пространственных сцен. Фрейм – это модель абстрактного образа, минимально возможное описание сущности какого-либо объекта, явления, события, ситуации или процесса.

Установленные нами терминалы заполняют ядерные единицы, наиболее частотные по употреблению при описании красоты в рамках конкретного терминала, и периферийные единицы, уточняющие и конкретизирующие ядерные единицы. В ходе анализа нами установлено, что ядерные единицы по отношению к исследуемым понятиям являются универсальными для художественного описания образа человека. В связи с этим периферийный план понятий «красота» и «некрасота» наполняется большим количеством языковых единиц.

В качестве фрагмента нашего исследования приведем характеристику пограничной зоны, выделенной нами в рамках смоделированных фреймов «красота» и «некрасота».

Ввиду сложности и неоднородности описываемых нами понятий встречаются случаи их неоднозначной репрезентации, амбивалентности – так называемого смешения, когда красота и некрасота, объединяясь, становятся двумя сторонами одной эстетической сущности.

Так, случаи совместного употребления языковых единиц, описывающих красоту и некрасоту, мы делим на группы по характеру выражаемых признаков.

В первой группе приводятся случаи описания **некогда красивого человека**, по определенным причинам утратившего данный признак:

«И в самом деле, голова у него острижена, длинных красивых волос уже нет, походка вялая, лицо, сравнительно с прошлым летом, пополнило и побледнело» [Чехов]; «Мать, Екатерина Павловна, когда-то, по-видимому, красивая, теперь же сырая не по летам, больная одышкой, грустная, рассеянная, старалась занять меня разговором о живописи» [Чехов]. Создание противоречивого характера красоты в данных примерах достигается путем употребления наречия «уже» и союза «же», причем временные рамки утраты данного признака могут варьироваться («сравнительно с прошлым летом», «когда-то»).

Во второй группе представлены примеры описания **в целом красивого человека, имеющего определенные внешние изъяны**, негативно сказывающиеся на его внешнем облике: 1. *«Она была молода, еще девочка, с едва заметной грудью, но венчать было уже можно, так как года вышли. В самом деле она была красива, и одно только могло в ней не нравиться – это ее большие, мужские руки, которые теперь праздно висели, как две большие клешни» [Чехов]; 2. «Лицо красивое, но слишком сухое и слишком серьезное для того, чтобы казаться приятным» [Чехов]; 3. «На нем был теперь застегнутый сюртук и поношенные парусиновые брюки, стоптанные внизу. И сорочка была неглаженная, и весь он имел какой-то несвежий вид. Очень худой, с большими глазами, с длинными худыми пальцами, бородатый, темный и все-таки красивый» [Чехов]; 4. «Она даже похорошела. В профиль она была некрасива, у нее нос и рот как-то выдавались вперед и было такое выражение, точно она дула, но у нее были прекрасные темные глаза, бледный, очень нежный цвет лица и трогательное выражение доброты и печали, и когда она говорила, то казалась миловидною и даже красивою» [Чехов]; 5. «Он был бы даже красив, если бы не бурый загар, не слегка вывороченные нижние веки и не постоянные слезы, стеклом стоявшие в них под большими голубыми глазами» [Бунин].*

Примечательным является то, что признак некрасоты в данной группе может быть выражен любыми языковыми средствами и заключаться в разнообразных внешних особенностях, не поддающихся классификации.

Так, признак некрасоты в первом примере группы выражается адъективами и сравнительными оборотами, указывающими на неприязненность рук внешне притягательной девушки.

Во втором и четвертом примерах данный признак выражается при описании в равной степени красивого и некрасивого лица, причем во втором примере на формирование признака в большей степени влияет неоднократное употребление интенсификатора «слишком». В четвертом же примере на признак некрасоты указывает лексическая единица «некрасива», относимая к ядерным, однако наличие адъективов «прекрасные», «нежный» с интенсификатором «очень» и прочих в совокупности со словосочетанием «казалась миловидною и даже красивою» не позволяет однозначно определить характер выражаемого признака.

В третьем примере общий характер внешнего облика мужчины создается путем описания его вида, состояния одежды (поношенные, стоптанные внизу брюки, несвежий вид) и здоровья (очень худой), однако частица «все-таки» в совокупности с ядерной единицей «красивый» создает образ притягательного человека.

Пятый пример содержит описание потенциально красивого человека, на некрасоту которого указывают лексические единицы, описывающие внешние недостатки не только лица, но и кожи человека.

В третьей группе представлены примеры описания **временного характера красоты**: «*Это была красота мотыльковая, к которой так идут вальс, порханье по саду, смех, веселье и которое не вяжется с серьезной мыслью, печалью и покоем; и, кажется, стоит только пробежать по платформе хорошему ветру или пойти дождю, чтобы хрупкое тело вдруг поблекло, и капризная красота осыпалась, как цветочная пыль*» [Чехов]; «*В это время принесли в спальню лампу. Больная прищурилась на свет и вдруг охватила голову руками и зарыдала. И впечатление существа убогого и некрасивого вдруг исчезло, и Король уже не замечал ни маленьких глаз, ни грубо развитой нижней части лица; он видел мягкое страдальческое выражение, которое было так разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотелось уже успокоить ее не лекарствами, не советом, а простым ласковым словом*» [Чехов]; «*Казаковой, ей шел семнадцатый год, она была невелика ростом, что особенно было заметно, когда она, мягко виляя юбкой и слегка подняв под кофточкой маленькие груди, ходила босая или, зимой, в валенках, ее простое личико было только миловидно, а серые крестьянские глаза прекрасны только молодостью*» [Бунин].

Третью группу составляют примеры, не объединяющие в себе признаки некрасоты и красоты, указывающие на слабый характер последнего. В приведенных примерах на это указывает употребление наречий «вдруг» и частицы «только» в совокупности с макроконтэкстом.

В данных примерах наиболее явно находят отражение случаи индивидуально-авторского употребления лексических единиц. Это обусловлено тем, что художественный текст в первую очередь выступает отражением авторского понимания действительности, что влияет не только на внешнюю, но и на внутреннюю структуру значения тех или иных лексических единиц.

Таким образом, наличие подобного рода примеров указывает на способность лексических единиц, описывающих красоту и некрасоту, сосуществовать в едином контексте, дополняя друг друга и влияя на общее семантическое значение синтаксических единиц.

1. Минский М., Фреймы для представления знаний: пер. с англ./ под ред. Ф. М. Кулакова. – М., 1979, – С. 7.

Исмаилова Э.А.

Глаголы-связки со значением перехода в новое состояние в лакском языке

ДГУ

(Россия, Махачкала)

doi: 10.18411/lj-01-2021-221

idsp: ljournal-01-2021-221

Аннотация

Статья посвящена глаголам-связкам. В предлагаемой работе рассматриваются условия для употребления глагола в функции связки. Предпринята попытка исследовать семантические особенности и сочетательные возможности группы связочных глаголов со значением перехода в новое состояние.

Ключевые слова: глагол-связка, грамматикализация, глагольные словосочетания, сема, лексическое значение.